№ 27.

Раф. Григорьевъ.

Отраженія русской революціи на Западѣ.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Издательство „Соціалистъ"
ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Цѣна 30 к.

Отраженія русской революціи на Западѣ.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Всѣ сознательные рабочіе хорошо понимаютъ огромное международное значеніе русской революціи. Тѣмъ не менѣе теперь многіе охвачены скептическимъ (недовѣрчивымъ) настроеніемъ:

— Четыре мѣсяца уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій пролетаріатъ бросилъ пламенный кличъ о мирѣ всѣмъ зарубежнымъ друзьямъ. И что же? До сихъ поръ не только продолжается братоубійственныя бойня, но рабочіе всѣхъ странъ по прежнему находятся въ плѣну у своей буржуазіи, по старому охвачены шовинистическимъ, воинственнымъ духомъ и все не хотятъ взять въ свои руки дѣла борьбы за миръ!

Въ этихъ упрекахъ есть, къ сожалѣнію, много вѣрнаго, но не слѣдуетъ все же предаваться отчаянію и безнадежности Не забудемъ, что мы сами еще въ февралѣ этого года были рабами романовско-распутинской шайки, сносили, хотя и не безропотно, но все же сносили—позоръ царизма, и нами, русскими, германскіе имперіалисты пугали и дурачили свои рабочія массы. Но и помимо этихъ общихъ соображеній, мы можемъ смѣло утверждать, что русская революція не прошла мимо западно-европейскаго про-

летаріата, она въ значительной мѣрѣ раскачала его, проложила глубокія борозды въ его сознаніи. Въ этомъ я убѣдился воочію и своими непосредственными наблюденіями хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями.

Вѣсть о русской революціи застала меня въ Италіи и явилась полной неожиданностью. По приходившимъ съ огромнымъ опозданіемъ русскимъ буржуазнымъ газетамъ еще можно было догадаться, что въ Россіи творится что-то неладное и положеніе все болѣе и болѣе обостряется. Все это однако не давало еще основаній ожидать близкаго пришествія революціи да еще столь гигантскаго размаха,—тѣмъ болѣе, повторяю, что газеты эти приходили черезъ 3—4 недѣли, а съ 1-го января, когда Протопоповъ издалъ распоряженіе о запрещеніи вывоза заграницу газетъ, журналовъ и книгъ,—проскочило только нѣсколько нумеровъ. Итальянская же печать, какъ и вся прочая союзническая, всячески избѣгала говорить о Россіи, помятуя, что въ домѣ повѣшеннаго неловко говорить о веревкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нелегкое это дѣло и даже для ловкачей буржуазнаго журнализма: писать о великой освободительной войнѣ, взывать со слезой о маленькихъ угнетенныхъ (разумѣется только Германіей!) народахъ—и въ то же время находиться въ компаніи такого „освободителя", какъ Николай Кровавый. Обычный тонъ писаній о Россіи быть таковъ: всѣ эти старые разговоры о деспотическомъ царизмѣ—вздоръ и выдумка; теперешняя Россія совсѣмъ не та что прежняя, это „почти" парламентская страна. Русскій народъ боготворитъ своего „батюшку" и жить безъ него не можетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія удостоилась высокой чести стать союзницей великихъ западныхъ „демократій", европейская буржуазія и соціалъ-патріотическая печать ни словамъ не обмолвились о многочисленныхъ преступленіяхъ цариз-

ма—галицiйскихъ подвигахъ, еврейскихъ выселенiяхъ и погромахъ, жестокостяхъ въ армiи, подавленiи русскаго народа, заточенiи и ссылкѣ социалъ-демократическихъ депутатовъ. Правда, за мѣсяцъ до революцiи, въ особенности послѣ убiйства Распутина,—стали появляться кое-какiя тревожныя сообщенiя о Россiи, заговорили о Протопоповѣ, нѣмецкихъ влiянiяхъ въ высшихъ сферахъ и т. п.,—но всѣ эти статьи и замѣтки заканчивались обычно въ весьма оптимистическомъ, обнадеживающемъ тонѣ:—Вообще, правительство и народъ идутъ навстрѣчу другъ другу. Благородный русскiй монархъ, чутко прислушивающiйся къ голосу общественнаго мнѣнiя, одержимъ самыми лучшими намѣренiями и т. п. Для курьеза стоитъ отмѣтить слѣдующiй забавный эпизодъ: въ одной крупной итальянской газетѣ за нѣсколько дней до революцiи появилась корреспонденцiя, въ которой сообщалось, что русскiй „ кризисъ", слава Богу, благополучно разрѣшается. Дѣло въ томъ, что послѣ убiйства Распутина дворъ остался безъ друга и совѣтника, что создавало неувѣренность положенiя. Но теперь, къ счастью, преемникъ Распутину найденъ: это архимандритъ Мардарiй, мужчина весьма либерально-патрiотическаго темперамента, и теперь все устроится хорошо: и „общество" будетъ удовлетворено, и война пойдетъ прекрасно...

Можно себѣ представить, послѣ подобнаго рода „солидной" подготовки, какое впечатлѣнiе могло произвести слѣдующее правительственное сообщенiе (агентская телеграмма изъ Петрограда), опубликованное 16-го (3-го по старому стиля) марта:

„По причинамъ продовольственныхъ затрудненiй въ столицѣ, вызванныхъ недостаткомъ транспорта, въ прошедшие дни произошли безпорядки, повлекшiе за собой жертвы.

Впослѣдствіи безпорядки усложнились, принявъ политическій характеръ. Два полка взбунтовались. Либеральный блокъ, къ которому присоединилась прогрессивная группа, вступилъ въ переговоры съ мятежниками. Такъ какъ делегація заявила о своемъ желаніи продолжать войну до побѣды,—Дума согласилась стать посредницей между возставшими и государемъ и назначила съ этой цѣлью комитетъ. Кн. Голицынъ выразилъ желаніе быть освобожденнымъ отъ предсѣдательства въ совѣтѣ министровъ... Движеніе стремится элиминировать (изъять) реакціонные элементы, какъ благопріятствующіе миру. Генералъ Ивановъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ съ неограниченной властью..."

Подъ такимъ соусомъ поднесли своимъ народамъ сообщеніе о русской революціи наши вѣрные союзники. Но газеты и этотъ смѣхотворный документъ пытались полускрыть отъ читателей: дѣло въ томъ, что буржуазная печать на Западѣ имѣетъ обыкновеніе печатать огромныя заглавія и подзаголовки о событіяхъ дня. Стоитъ взять на фронтѣ въ плѣнъ 10 нѣмцевъ, чтобы въ газетахъ появилось аршинными буквами: „Блестящая побѣда нашего оружія!" Публика—если не вся, то значительная часть,—удовлетворяется этимъ и въ самый текстъ не очень заглядываетъ. Ну, такъ вотъ первое сообщеніе о русской революціи помѣстили скромно въ сторонкѣ, подъ самыми что ни на есть скромными заглавіями: „Явленія въ Россіи", „Русскія происшествія", „Вѣсти изъ Россіи" и т. п. Какъ ни крутили, однако,—на другое утро пришлось сообщить, что въ англійскомъ парламентѣ министръ Бонаръ Лоу заявилъ, что Николай II „отрекся" отъ престола...

Казалось бы, правящимъ классамъ Италіи и обслуживающимъ ихъ журналистамъ надлежало имѣть весьма пе-

геконфуженный видъ: послѣ того, какъ они увѣряли публику, что въ Россіи революціей и не пахнетъ, что толки объ этомъ—выдумки „нѣмецкихъ агентовъ,“ что народъ и верховная власть живутъ чуть ли не душа въ душу (такого рода заявленія дѣлалъ представителямъ печати министръ Шалойа, *въ концѣ февраля* возвратившійся изъ Петрограда!),—нелегко восхвалять революцію. А восхвалять надо—восхвалять все надо, что дѣлается у союзниковъ!... И что же? Господа журналисты не потеряли присутствія духа и съ мѣста въ карьеръ стали кадить передъ русскимъ переворотомъ. А чтобы легче было кадить, придумали для внутренняго потребленія свою собственную теорію русской революціи.

Въ Россіи, видите ли, произошло слѣдующее: высшее офицерство, крупная буржуазія и землевладѣльцы, группирующіеся вокругъ третьеіюньской Думы и Совѣта, одержимые высокими патріотическими чувствами и долгомъ вѣрности союзникамъ, рѣшили свергнуть царское правительство въ виду того, что оно, находясь подъ вліяніемъ Германіи, явно саботировало войну и вело Россію къ сепаратному миру. Съ этой цѣлью великіе русскіе патріоты—Брусиловы и Родзянки—подготовили и провели военное возстаніе, и теперь, упразднивъ главныя препятствія для побѣдоноснаго продолженія войны, Россія дружно ринется на нѣмца и свято выполнитъ всѣ, связывающіе ее съ благородными союзниками, договоры.

Вѣрили ль сами творцы этой теоріи въ ея истинность—вопросъ второстепенный. Важно то, что они ее на всяческіе лады разукрашивали и преподносили публикѣ. *Такую* революцію, «наши союзники», т. е. господствующіе классы Англіи, Франціи и Италіи могли привѣтствовать и привѣтствовали отъ самого сердца. Правда, революція во время

войны—вещь нехорошая и опасная, она нарушаетъ «священное единеніе» націи, столь дорогое имперіалистамъ всѣхъ странъ и ихъ прислужникамъ, но разъ удалась ужъ такая распрекрасная «революція,» которая можетъ только помочь великому дѣлу союзниковъ, то—да здравствуетъ эта революція!

Одно только обстоятельство нѣсколько отравляло радость союзно-буржуазныхъ писакъ и ихъ хозяевъ: это—отреченія царя. Слезы тоски, умиленія и нѣжности застилали глаза журналистовъ и министровъ, когда они писали и говорили о „благороднѣйшемъ изъ монарховъ"—Николаѣ II. Они никакъ не могли взять въ толкъ, за что обидѣли такого распрекраснаго Государя, который неустанно вдохновлялъ свои вѣрныя войска биться „до новой побѣды"

— Очень печально—писала газета «Giornale d'Italia» органъ выражающій взгляды правительства, — очень печально, что императоръ долженъ уйти!.. Онъ справедливо пользовался симпатіями союзниковъ и къ нему также хорошо относились русскіе либералы и войска. Николай II является изъ государей наибольшимъ идеалистомъ, какого когда-либо видѣли на тронѣ...

Въ другой газетѣ—La Tribuna —извѣстнѣйшій итальянскій публицистъ Растиньякъ выражалъ свое горячайшее изумленіе по поводу того «парадокса», той странности, что царь долженъ уйти въ то самое время, когда торжествуетъ „его партія", партія, „близкая ему по духу". Актъ «отреченія» привелъ писателя въ самый неумѣренный востоpгъ: «Исторія не имѣетъ въ своихъ архивахъ страницы болѣе благородной, болѣе красивой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе человѣчной, чѣмъ та, которую оставилъ Никой II, слагая съ себя корону... Онъ даетъ, уходя съ трона, своему замѣстителю наказъ свободы... Вотъ истинная, ве-

ликая, святая революція, которая горитъ въ послѣднихъ словахъ и послѣднемъ актѣ царя всей Руси. Не стоитъ ли сама Декларація Правъ Человѣка и Гражданина (выработанная Великой Французской революціей Р. Г-) этого манифеста Николая II? Теперь впередъ—за побѣду! За общую побѣду и за цивилизацію!»

Такъ или иначе, повторяемъ, въ первое время печать и правящіе круги восторгались или дѣлали видъ, что восторгаются русской революціей.

Но эти именины продолжались, увы!—весьма недолго. Несмотря на то, что правительство и буржуазія всячески стремились скрыть отъ своихъ народовъ истину о русской революціи,—все же сквозь толщу лжи, выдумокъ и вздора волей-неволей просачивалась и кое-какая правда.

Нельзя было скрыть существованіе Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, приходилось сообщать, что эти именно Совѣты, а не Дума со своими Родзянками, играютъ рѣшающую роль въ событіяхъ, держатъ подъ Контролемъ Временное Правительство. А главное, забравшіе власть Совѣты эти, вмѣсто того, чтобы кричатъ «громъ побѣды раздавайся», заговорили о мирѣ, стали обращаться съ «преступными» и «зажигательными» воззваніями къ рабочимъ другихъ странъ. Восторгъ буржуазной печати сталъ смѣняться безпокойствомъ, уныніемъ, растерянностью и постепенно превратился въ ничѣмъ не прикрытую злобу и ненависть къ русской революціи—на этотъ разъ *настоящей*, а не вымышленной русской революціи. Началась кампанія клеветъ, инсинуацій, самой беззастѣнчивой лжи и натравливанья на русскую революцію и ея дѣятелей. Оружіемъ не стѣснялись, и самые «демократическіе» органы европейской буржуазіи не брезгали »доводами» нашихъ черносотенцевъ. «Еврей Керенскій за-

явилъ себя сторонникомъ мира безъ аннексій и контрибуцій». Потомъ, когда Керенскій «исправился» и успѣлъ стать излюбленнымъ Веніаминомъ союзныхъ имперіалистовъ, «ошибку» тоже исправили, зато немедленно произвели въ евреи Ленина... Чтобы не быть голословнымъ, приведу пару выдержекъ изъ вліятельныхъ итальянскихъ газетъ. «Corriere della Sera»—самая распространенная газета Италіи, писала: «Какъ и можно было ожидать, также и въ русской революціи существуютъ элементы, толкающіе къ крайностямъ. Трудовой Комитетъ (т. е. Исп. Ком. Совѣта) присвоилъ себѣ значеніе, на которое не имѣетъ никакого права. Въ дѣйствительности, революціи не была дѣломъ рабочихъ организацій, какъ въ 1905 году, а существенно военной революціей. Тѣмъ не менѣе, *банда демагоговъ* подъ эгидой Трудового Комитета съ самаго перваго момента стала держать себя, какъ спасительница націи, и Чхеидзе, ихъ вождь, со своими товарищами дѣлаетъ все возможное, чтобы заставить думать, будто делегаты, избранные войсками и заявившіе себя вѣрными Думѣ, принадлежатъ къ трудовой партіи. *Первой обязанностью новаго правительства должно явиться подавленіе этихъ силъ въ Петроградѣ...* Нація, конечно, не потерпитъ соціалистическаго режима, и Преображенская гвардія, какъ и другіе гвардейскіе полки, готовы будутъ, если понадобится, силой противостать маневрамъ демагоговъ»...

Та же газета впослѣдствіи совѣтовала ген. Корнилову, въ виду существованія въ Петроградскомъ гарнизонѣ «безпокойныхъ» полковъ,—вывести ихъ изъ столицы *подъ видомъ необходимости военной обороны отъ нѣмцевъ.* Газета «Трибуна» писала, что при существующей въ Россіи «анархіи» *возстановленіе царизма явилось бы наименьшимъ з. омъ.* А «Національная Идея» поучала насъ слѣдующимъ obra

зомъ: «Россія на имѣетъ права разсматривать себя самое и свою революцію независимо отъ войны и великаго военнаго союза, въ которомъ крупнѣйшія западныя націи связали свою судьбу съ ея судьбой. По отношенію къ этимъ великимъ союзнымъ націямъ также и революціонная Россія имѣетъ ненарушимыя обязанности, которыя состоятъ отнюдь не въ гуманитарныхъ (человѣколюбивыхъ) программахъ, но въ реальномъ военномъ содѣйствіи.»

Разговоры о пересмотрѣ союзныхъ дипломатическихъ договоровъ выводили союзническую печать изъ себя.— Если Россія настолько одурѣла, что отказывается отъ Константинополя и прочихъ «историческихъ задачъ»— чортъ съ ней! Но какое право имѣетъ она требовать подобныхъ отказовъ отъ насъ? Развѣ она не знаетъ, что мы воюемъ не изъ-за красивыхъ фразъ, а за весьма реальные интересы? Намъ наплевать, заключили ль мы наши договоры съ царистской или республиканской Россіей, важно, что мы связались съ Россіей вообще, и поэтому она обязана попрежнему поставлять намъ мясо и кровь въ необходимыхъ размѣрахъ». Таково въ общихъ чертахъ содержаніе рѣчей европейской буржуазіи, обращенныхъ къ революціонной Россіи.

Если злоба и ненависть къ лозунгамъ мира, шедшимъ изъ Россіи, проявлялись съ рѣдкимъ единодушіемъ во всѣхъ имперіалистскихъ кругахъ нашихъ «союзниковъ», то въ Италіи она была еще ярче и ощутительнѣй. И на то имѣются достаточно вѣскія основанія. Мы знаемъ, что Италія добровольно избрала свой военный жребій. 10 мѣсяцевъ—отъ августа 1914 до конца мая 1915 года она находилась въ состояніи нейтралитета и въ теченіе всего этого времени, какъ маклакъ, торговалась за кровь своего народа съ обѣими враждующими коалиціями: центральными

имперіями и тройственнымъ союзомъ. Правительства Франціи, Германіи, Англіи еще могутъ питать надежду, въ случаѣ неудачи ихъ захватныхъ плановъ, оправдаться передъ своими народами ссылками на то, что они «вынуждены» были воевать: одни защищаясь отъ «прусскаго милитаризма», другіе—отъ «русскаго царизма», третьи обороняя «маленькую, героическую Бельгію». Итальянское правительство такихъ оправданій имѣть не можетъ, оно съ пустыми руками не смѣетъ вернуться къ своему народу, даже полупобѣда не спасла бы монархіи и правительства отъ краха: вѣдь Австрія дѣлала Италіи значительныя уступки, не требуя присоединенія къ себѣ, за одно лишь сохраненіе нейтралитета. Только «полная побѣда» могла бы еще б. м. спасти оффиціальную Италію. А «полная побѣда» для Италіи означаетъ захватъ славянской Далмаціи, турецкой Смирны, Албаніи, греческихъ островов. Вполнѣ понятно, поэтому, что всякіе толки о соглашеніи народовъ, о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій, берутся итальянскими имперіалистами и ихъ правительствомъ, что называется въ штыки. До чего доходитъ въ Италіи страхъ передъ этой формулой, можно судить по слѣдующему характерному примѣру: когда Терещенко, при своемъ вступленіи на постъ манистра иностранныхъ дѣлъ, разослалъ всѣмъ своимъ союзнымъ коллегамъ привѣтственныя телеграммы въ которыхъ кратко излагалась программа мира русскаго Временнаго Правительства,—то итальянскій министръ Соннино не рѣшился опубликовать этой телеграммы, а лишь позволилъ газетамъ напечатать свой отвѣтъ, состоящій изъ тѣхъ красивыхъ и двусмысленныхъ фразъ, на которыя такіе мастера международные дипломаты. Но помимо того, что русская революція сильно портила международ-

ное положеніе Италіи и покушалась на ея захватные аппетиты,—она также обострила положеніе и внутри страны.

Дѣло въ томъ, что Италія принадлежитъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ государствъ, гдѣ съ самаго начала войны имѣется для имперіалистовъ сильный и опасный «внутренній врагъ». Врагъ этотъ — итальянская соціалистическая партія. Извѣстно всѣмъ, что итальянскіе соціалисты заняли непримиримо враждебную позицію по отношенію къ войнѣ. Когда вспыхнула міровая катастрофа и передъ Италіей, которая въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ являлась соперницей Германіи и Австріи, сразу стала опасность выполненія «священныхъ обязанностей союзнаго договора», — къ чему ее усердно толкали націоналисты, впослѣдствіи рьяно боровшіеся за войну противъ вчерашнихъ союзниковъ, - соціалистическая партія заявила себя рѣшительной сторонницей нейтралитета Италіи. Этотъ нейтралитетъ они мужественно отстаивала все время до возникновенія итало-австрійской войны, энергично борясь противъ безстыднаго торгашества своего правительства. Когда же война вспыхнула, итальянскіе соціалисты нисколько не «образумились», а по прежнему продолжали разоблачать ея имперіалистскій характеръ, звали пролетаріатъ не растворяться въ «національномъ единеніи», а сохранять свою классовую независимость, усиленно работая для возстановленія Интернаціонала: всѣмъ извѣстна та крупная роль, которую сыграла Итальянская Партія въ дѣла созыва и организаціи Циммервальдской Конференціи. Соціалисты развили въ странѣ широкую пропаганду борьбы за миръ, депутаты очень удачно пользовались для этого парламентской трибуной, каждый разъ внося предложенія, въ которыхъ итальянское правительство приглашалось взять на себя иниціативу немедленнаго приступленія къ перегово-

рамъ о мирѣ на основѣ программы, выработанной въ Циммервальдѣ. Въ іюлѣ прошлаго года неутомимый борецъ за возстановленіе Интернаціонала, депутатъ т. *О. Моргари* выдвинулъ въ парламентѣ требованіе *немедленнаго и одновременнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ*, какъ предварительное условіе для мирныхъ переговоровъ на основѣ отказа отъ аннексій и контрибуцій и права націй на самоопредѣленіе. Внося свои предложенія о мирѣ, итальянскіе соціалисты прекрасно знаютъ, что въ парламентѣ они соберутъ только свои 43 голоса, что имперіалистско-соціал-патріотическій блокъ подавитъ ихъ своимъ большинствомъ. Но имъ важны не парламентскіе успѣхи и комбинаціи, а возможность вести пропаганду въ рабочихъ массахъ, и парламентской трибуной они пользуются лишь, какъ прекраснымъ агитаціоннымъ орудіемъ. И работа эта не пропала даромъ. Трудовые низы, помимо и противъ воли которыхъ была затѣяна война, все болѣе и болѣе чутко прислушиваются къ голосу соціалистовъ. Война поставила итальянскій пролетаріатъ и крестьянство въ исключительно трудное и тяжелое положеніе. Италія—полунищая, раззоренная многочисленными колоніальными войнами и воровскими правительствами страна (въ Италіи правительство иначе и не называютъ въ народѣ, какъ «governo-ladro», т. е. „правительство-воръ“), лишенная собственнаго угля и желѣза, не могущая прокормиться своимъ хлѣбомъ, полуграмотная (около 50% безграмотныхъ) и обездоленная,—съ возникновеніемъ войны оказалась данницей англійскихъ имперіалистовъ. Уголь для промышленности и деньги для веденія войны—все идетъ изъ Англіи. И, разумѣется, не даромъ. Не говоря уже о процентахъ человѣческими кровью и м..сомъ,—народъ долженъ оплачивать и деньгами процен.ы по займамъ, и вздорожавшій въ 12 — 15 разъ уголь, и

хлѣбъ, и сахаръ. Сильно увеличилось налоговое бремя, возросли цѣны на всѣ предметы потребленія, всѣ способные носить оружіе ушли на фронтъ, и семьи остались на нищенскихъ пайкахъ — 70—80 сантимовъ въ день (30—35 коп.) для женъ а 35—40 сант. (15—17 к.) для каждаго ребенка призванныхъ. Все это вмѣстѣ взятое да еще къ тому же сознаніе, что страна могла избѣжать это испытаніе, породило сильное недовольство въ рабочихъ массахъ и создало благопріятную почву для революціонно-интернаціоналистской пропаганды соціалистической партіи.

Ея популярность и вліяніе съ каждымъ днемъ все увеличивается, центральный органъ партіи «Avanti», («Впередъ!») получаетъ все большее и большее распространеніе, несмотря на то, что ввозъ его запрещенъ въ 11 провинціяхъ (губерніяхъ), находящихся въ такъ называемой „военной зонѣ“. Итальянскіе товарищи удачно называютъ «барометромъ» количество денежныхъ поступленій отъ рабочихъ на газету. Изъ этого „барометра“ можно убѣдиться, что дѣла соціалистовъ обстоятъ прекрасно: до войны самымъ удачнымъ годомъ былъ 1914-й, онъ принесъ газетѣ 46 тысячъ лиръ пожертвованій, 1915-й, первый годъ итальянской войны, когда дала себя сильно знать экономическая неурядица и нѣкоторая политическая растерянность пролетаріата, „барометръ“ понизился до 18 тысячъ, но въ 1916-мъ году мы видимъ небывалый скачокъ — 101 тысяча, а 1917-й даетъ еще лучшіе результаты: за первые 5 мѣсяцевъ уже было собрано свыше 60-ти тысячъ, и редакція увѣрена, что къ концу года „покажетъ“ и всѣ 200.

Русская революція влила новый притокъ революціонной энергіи въ вены итальянскаго пролетаріата. Несмотря на полное отсутствіе честныхъ и правдивыхъ свѣдѣній о

русской революціи, несмотря на то, что главнымъ источникомъ информаціи (освѣдомленія) является буржуазная продажная печать,—массы какъ бы чутьемъ, инстинктомъ поняли настоящій смыслъ русскихъ событій и радостно встрѣтили идущій съ Востока освобождающій зовъ:

— Хлѣба и мира!

Итальянская соціалистическая партія, въ отличіе отъ французскихъ и англійскихъ соціалъ-патріотовъ, помогала своему пролетаріату разбираться въ грандіознѣйшемъ явленіи современной исторіи. Она всячески боролась и вскрывала лживость созданнаго буржуазіей представленія о русской революціи. Правда, «демократическая» цензура сильно препятствовала этой работѣ, безпощадно вымарывая въ партійной печати все, нарушающія спокойствіе духа имперіалистовъ, попытки правильнаго истолкованія русскихъ явленій. Но наши итальянскіе товарищи не смущались этимъ: они стали выпускать «нелегальныя» листовки и воззванія. Такъ, ими издана прокламація «За миръ», подписанная 32 виднѣйшими соціалистами: членами партійнаго центра, бюро парламентской группы и руководителями Генеральной Конференціи Труда. Не такъ давно такимъ же порядкомъ выпущенъ и «Манифестъ къ соціалистамъ всѣхъ странъ», выработанный на совѣщаніи руководящихъ учрежденій партіи и профессіональныхъ союзовъ 30-го марта по нашему календарю. Въ этомъ манифестѣ итальянскіе соціалисты анализируютъ, разсматриваютъ современное международное положеніе. Они говорятъ, что событія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтверждаютъ правильность тѣхъ способовъ разрѣшенія войны, которые были указаны въ Циммервальдѣ—„наперекоръ и къ замѣшательству, всѣхъ тѣхъ, кто пытался въ „націи“ удушить «классъ» и навязать человѣчеству цѣли капиталистическаго

имперіализма“. Манифестъ указываетъ, что три года войны ясно показали, что чисто техническими средствами, т. е. путемъ внѣшняго военнаго насилія ея не разрѣшить: война изъ «оборонительной» или «защитной» давно уже превратилась въ войну на взаимоизнуреніе и экономическое истощеніе.

Всѣ государства рано или поздно должны будутъ признать свое пораженіе, крахъ своей политики „до полной побѣды“. Многіе утверждаютъ, что русская революція является оправданіемъ войны. Это поверхностное разсужденіе, такъ какъ революція по своему содержанію и цѣлямъ является опроверженіемъ и осужденіемъ войны. Она связана съ войной точно такъ же, какъ возстанавливающееся здоровье связано съ болѣзнью, ему предшествовавшей. Если бъ война достигла тѣхъ цѣлей, которыя ставили себѣ ея организаторы—одной и другой коалиціи,—т. е. еслибъ война привела къ чьей-нибудь «полной побѣдѣ», то въ настоящій моментъ не была бы возможна русская революція. Послѣ того, какъ она положила конецъ имперіалистскимъ вожделѣніямъ своихъ правящихъ классовъ и тѣмъ облегчила борьбу съ имперіализмомъ и въ другихъ странахъ,—передъ интернаціональнымъ пролетаріатомъ встаетъ въ первую голову обязанность бороться внутри каждой національной границы за скорѣйшее наступленіе мира. Для этого великаго дѣла Итальянская Соціалист. Партія предлагаетъ соціалистамъ другихъ странъ свое полное братское сотрудничество.

Въ такомъ духѣ ведутъ наши южные товарищи свою революціонную работу. Отъ парламентской трибуны до нелегальной листовки, отъ партійной печати до закрытаго собранія членовъ организацій (открытыхъ не разрѣшаютъ)—всюду раздается горячее, привѣтственное слово русской ре-

волюціи, русскому пролетаріату. И это не казенныя, пустопорожнія фразы, которыми обмѣниваются дипломаты и правители, нѣтъ, тутъ каждое слово дышетъ правдой и искренностью. Русская революція и ея лозунги сослужили огромную службу итальянскимъ соціалистамъ. Отечественная буржуазія всегда колола имъ глаза патріотическимъ поведеніемъ французскихъ, англійскихъ и русскихъ рабочихъ (да, и русскихъ: вѣдь для союзныхъ имперіалистовъ Плехановъ и Алексинскій являлись самыми подлинными представителями русскаго пролетаріата):—Смотрите, какъ хорошо держатъ себя соціалисты другихъ странъ. Только вы одни какіе-то выродки, лишенные національнаго чувства»!..

Послѣ русской революціи такіе разговоры пришлось поневолѣ прекратить. Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ стойко и послѣдовательно отстаиваетъ свою классовую интернаціоналистскую линію Итальянская Соціалистическая партія. И тѣмъ не менѣе, какъ это ни покажется страннымъ, она теперь является по отношенію къ сильно выросшему послѣ русскихъ событій революціонному настроенію массъ, еще въ нѣкоторой степени сдерживающей, умѣряющей силой. Я могу разсказать о весьма любопытномъ случаѣ, характеризующемъ настроеніе итальянскихъ рабочихъ. 1-го мая въ Миланѣ соціалистическая организація и Камера Труда организовали митингъ, на которомъ выступилъ такой популярный ораторъ и вождь соціалистовъ, какъ тов. Филиппъ Турати. Залъ Народнаго Дома былъ переполненъ. Первыя 10-15 минутъ публика еще была внимательна, но потомъ начался шумъ, послышались крики и даже свистки. Что же хотѣли выразить этими протестами рабочая аудиторія? Быть можетъ она была возмущена „антипатріотичностью“ оратора? Ничего подобнаго! Толпа кричала:—Довольно уже болтать! Пора епрейти къ дѣлу!

Напрасно организаторы митинга пытались успокоить и сдержать аудиторію: митингъ былъ «сорванъ», и его участники вышли на улицу. Въ теченіе трехъ первыхъ дней мая въ Миланѣ происходили уличныя демонстраціи, въ которыхъ принимало участіе около 20 тысячъ человѣкъ, преимущественно женщинъ, выступавшихъ съ лозунгами: «Долой войну! Верните намъ изъ окоповъ мужей и братьевъ!» Въ городъ пытались проникнуть большія толпы женщинъ изъ пригородовъ и ближайшихъ деревень, но ворота вездѣ были сильно охраняемы полиціей, не допускавшей этого вторженія. Тѣмъ не менѣе, кое-гдѣ удалось «прорвать фронтъ», въ результатѣ чего явились многочисленные аресты. Такъ же «неспокойно» прошло 1-е мая по всей Италіи: воздержаніе отъ работъ было полное, митинги происходили повсюду, начиная отъ маленькой деревушки, кончая столицей, и у всѣхъ на устахъ было имя русской революціи.

Какъ же, однако, относится итальянское правительство къ пробужденію своего народа? Нетрудно догадаться, что въ особенный восторгъ отъ этого оно не приходитъ. Не можетъ оно, конечно, и идти навстрѣчу народнымъ стремленіемъ къ миру. А выйти изъ непріятнаго положенія надо. Вотъ оно и придумало практикующійся въ этихъ случаяхъ способъ: тотчасъ же послѣ первомайскихъ волненій министръ соціалъ-патріотъ Биссолати отправился на фронтъ и совмѣстно съ главнокомандующимъ организовалъ наступленіе. Вѣдь наступленіе прекрасное средство для того, чтобы отвлечь вниманіе рабочихъ массъ отъ всякихъ «безсмысленныхъ мечтаній» въ сторону „единенія націи", т.е., оставленія классовой самостоятельности. Оно даетъ врагамъ пролетаріата прекрасное орудіе для демагогической травли противъ интернаціоналистовъ, какъ злодѣевъ, всаживающихъ ожъ въ спину арміи и т. п. Кромѣ того, въ

случаѣ успѣха,—а въ начальной стадіи наступленія успѣхъ неизбѣженъ,—повышается «патріотическій духъ» населенія и тѣмъ укрѣпляется позиція правительства и господствующихъ классовъ. Словомъ, дѣло было выйгрышное... до поры до времени. Итакъ, предприняли наступленіе и итальянцы. Въ первые дни взяли въ плѣнъ около 30 тысячъ австрійцевъ, отбили немало орудій, захватили позиціи,—все честь честью. Но вотъ черезъ 5-6 дней побѣдъ и одолѣній австрійцы переходятъ въ контръ-наступленіе и отвоевываютъ въ свою очередь 10 тысячъ плѣнныхъ, орудія, часть оставленныхъ позицій. Точка. Тогда правительство козырнуло съ другой масти: взяло да и объявило въ одинъ прекрасный день „независимость Албаніи подъ итальянскимъ протекторатомъ“, другими словами прикарманило плохо лежавшій кусокъ. (Прекрасный отвѣтъ демократическаго союзника на мирную программу русскаго Временнаго Правительства!) Какъ никакъ, теперь итальянское правительство сможетъ сказать своему народу: «Я не даромъ торговало твоимъ трудомъ и кровью! Я выгодно обмѣняло ихъ на такое то и такое то количество квадратныхъ километровъ земли!» Позволительно, однако, усомниться, чтобы итальянскій рабочій очень прельстился этимъ подаркомъ. Когда я покинулъ Италію, настроеніе тамъ было отнюдь не праздничное, и не далекъ, быть можетъ, часъ, когда итальянскій пролетаріатъ предъявитъ своимъ нынѣшнимъ властителямъ векселя ко взысканію...

Во Францію, которую мнѣ предстояло прорѣзать при возвращеніи на родину, я ѣхалъ съ тяжелымъ чувствомъ и нерадостными ожиданіями. Я зналъ, какъ обезкровила позорная бойня эту несчастную страну, какія страшныя раны нанеслп ей три года непосильнаго напряженія. Зналъ

я также, какъ обезличила и принизила рабочее движенie Францiи развращающая политика «union Sacrée» («священнаго единства»), съ усердiемъ, достойнымъ лучшей участи, проводимая вождями французскаго пролетарiата. Словомъ, я думалъ встрѣтить тамъ сплошное кладбище во всѣхъ проявленiяхъ хозяйственной и общественной жизни. И дѣйствительно, съ внѣшней стороны Парижъ, въ которомъ я пробылъ 10 дней, производитъ самое удручающее впечатлѣнie. Шумный, радостный, легкiй Парижъ мирнаго времени, начинавшiй свою особую «парижскую» жизнь съ 10-11 часовъ вечера, сталъ неузнаваемъ. Онъ сдѣлался похожимъ на какой-то гигантскiй госпиталь: такого количества раненыхъ, увѣчныхъ, калѣкъ, я не видѣлъ ни въ одной изъ четырехъ воюющихъ странъ, въ которыхъ мнѣ приходилось бывать. На улицахъ не видать мужчинъ въ штатскомъ—одни мальчики и старики; тамъ призваны подъ оружiе люди отъ 18-ти до 55 лѣтъ... Правда, среди „военныхъ",—преимущественно офицеровъ—попадается немало здоровыхъ, упитанныхъ физiономiй: это все папенькины сынки, благополучно устроившiеся въ разныхъ канцелярiяхъ и, разумѣется, они большущей руки патрiоты... На каждыя пять женщинъ—одна непремѣнно въ траурѣ, въ черномъ. Церкви переполнены колѣнопреклоненными, скорбными фигурами женщинъ, съ тоской и упованiемъ глядящихъ на Распятie... Попы всюду дѣлаютъ блестящiя дѣла — еще одинъ изъ результатовъ «освободительной, революцiонной войны», призванной спасти мiръ отъ всяческой скверны...

Днемъ я вышелъ на такъ называемые «Большie Бульвары»—парижскiй Невскiй. Вдругъ вижу слѣдующую процессiю: идетъ толпа женщинъ человѣкъ въ сто, въ рукахъ почти у всѣхъ патрiотическie флажки, и распѣваютъ онѣ какую-то пѣсенку въ очень задорномъ тонѣ. Прислуши-

ваюсь къ словамъ и разбираю: «Намъ на все наплевать дайте намъ только нашихъ двадцать су» (франкъ). Начинаю разспрашивать въ чемъ дѣло. Оказывается, наканунѣ забастовали модистки модныхъ магазиновъ-нѣсколько тысячъ человѣкъ. Онѣ требовали: 1) увеличенія заработной платы на 1 франкъ въ сутки, 2) установленія, т. н., «англійской недѣли», т.е. 36-часового недѣльнаго отдыха и 3) оплаты полностью,—за весь рабочій день—половины рабочаго дня въ субботу. Хозяева, разумѣется, заартачились, стали кричать, что работницы ихъ грабятъ и раззоряютъ,—словомъ, дѣло знакомое. Черезъ день къ стачкѣ примкнули корсетницы, затѣмъ шляпницы, бѣлошвейки и пр. и пр., а затѣмъ втянуло и пролетарокъ, работающихъ на оборону, а также нѣкоторыя отрасли мужского труда.

Такъ стихійно разрасталась забастовка, захватившая въ общей сложности около 100 тысячъ человѣкъ,—явленіе въ Парижѣ, да вообще во Франціи съ самаго начала войны небывалое. Чѣмъ большіе и «опасные» размѣры принимала стачка, тѣмъ тревожнѣе становилось настроеніе правительства и буржуазіи. Въ первое время отношеніе такъ называемой чистой публики было довольно снисходительное: вѣдь французъ по отношенію къ женщинамъ весьма «галантенъ». А эти милыя модистки, „midinettes"—народъ все больше молодой, красивый, изящный. Эта именно категорія наемнаго женскаго труда поставляетъ буржуазіи «бѣлыхъ рабынь» наслажденія. Недаромъ одинъ изъ хозяевъ, когда ему работницы предъявили свои требованія, съ нѣжной улыбочкой, отвѣтилъ: «Не понимаю, зачѣмъ вамъ портить себѣ кровь, когда вы на сторонѣ можете отлично заработать»... Но улыбка улыбкой, а когда движеніе приняло довольно острый оборотъ и запахло чуть ли не всеобщей стачкой, когда патріотическіе флажки стали замѣняться красными и вмѣсто

невинныхъ пѣсенокъ раздались «возмутительные возгласы»,—буржуазія и правительство переполошились. Печать стала вопить о нарушеніи общественнаго порядка, о томъ, что „безобразіе“ пора прекратить и т. п. Къ тому же стачки осложнились еще однимъ весьма опаснымъ элементомъ. Дѣло въ томъ, что стачечницы, чтобы обезопасить себя во время демонстрацій отъ грубостей прославленной парижской полиціи, стали брать съ собой своихъ родныхъ и друзей-военныхъ. Такимъ образомъ, демонстраціи стали полуженскими полусолдатскими. Столкновеніе съ полиціей приняли болѣе острый характеръ. Произошелъ рядъ арестовъ. Много забастовщицъ и солдатъ было приговорено за «оскорбленія» полицейскихъ къ аресту отъ 6-ти недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ, а одному солдату влетѣло 3 года за возгласъ: «Vive la Paix!» («Да здравствуетъ миръ!») Видя, что дѣло принимаетъ опасный оборотъ, правительство провело ускореннымъ порядкомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ законъ объ «англійской недѣлѣ» и сдѣлало энергичный нажимъ на предпринимателей, заставивъ ихъ удовледворить экономическія требованія работницъ. Стачка, такимъ образомъ, увѣнчалась успѣхомъ.

Въ теченіе этихъ дней въ Парижѣ происходила и другая поучительная борьба—вокругъ участія французской соціалистической партіи на интернаціональной конференціи въ Стокгольмѣ. Правое большинство партіи, такъ называемые „мажоритэры“ являлись рѣшительными противниками участія, оппозиціонное же меньшинство „миноритэры“ — (французскій „центръ“ и циммервальдисты) вели энергичную компанію за возстановленіе международныхъ связей пролетаріата. Еще наканунѣ національнаго совѣта партіи, который состоялся 28-го мая по новому стилю, никому не было извѣстно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда: думали, что го-

лоса раздѣлятся приблизительно поровну съ ничтожнымъ численнымъ преобладаніемъ въ ту или иную сторону.

Но въ воскресеніе 28-го произошло чудо изъ чудесъ: прибывшіе изъ Россіи французскіе депутаты правые оборонцы Кашэнъ и Мутэ, посланные въ Петроградъ на предметъ духовнаго усмиренія русской революціи, выступили на Совѣтѣ съ пламенными рѣчами... въ защиту участія на Стокгольмской конференціи. Они говорили, что русскіе соціалистическія партіи, фактически находящіеся у власти и располагающія „10-тью милліонами штыковъ“, настроены самымъ неутѣшительномъ интернаціоналистическимъ образомъ; что они рѣшительные сторонники немедленнаго возстановленія и созыва интернаціонала; что они сурово осуждаютъ націоналистическую политику большинства европейскихъ соціалистическихъ партій. Отказъ французовъ отъ участія въ Стокгольмѣ еще болѣе возстановитъ русскихъ товарищей противъ нихъ и не воспрепятствуетъ русскимъ отправиться на конференцію и безъ французовъ. Необходимо пойти навстрѣчу этому желанію, исходящему отъ самой могущественной теперь соціалистической партіи міра. Можно представить себѣ, какой „эффектъ“ произвели на участниковъ Совѣта эти рѣчи, произнесенныя устами наиболѣе махровыхъ соціалъ-шовинистовъ. Ихъ лидеръ, Ренодель, редакторъ партійнаго органа „L'Humanité'“ („Человѣчество“), еще чутъ ли не накунунѣ писавшій, что Стокгольмская конференція — это нѣмецкая западня, что французскіе соціалисты не запятнаютъ себѣ участіемъ въ ней,—влѣзъ на трибуну и съ большимъ поѳосомъ призвалъ Совѣтъ „сохранить единство партіи“ и отправиться въ Стокгольмъ...

Этому необычайному повороту дѣла способствовало и еще одно обстоятельство. Въ теченіе всего дня вокругъ зда-

нія, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, стояла толпа въ $1^1/_2$—2 тысячи человѣкъ, среди нихъ много солдатъ, и хоромъ пѣла:

— Въ Стокгольмъ! Въ Стокгольмъ! Въ Стокгольмъ!

Отъ времени до времени раздавались возгласы:

— Да здравствуетъ миръ! Да здравствуетъ Интернаціоналъ!

Делегаты „меньшинства" выходили къ толпѣ, произносили рѣчи, встрѣчавшіяся съ большимъ энтузіазмомъ. Оборонцы же не осмѣливались выступать на улицѣ, стараясь незамѣтно прошмыгнутъ мимо.

Я, какъ помнятъ читателей, ѣхалъ во Францію большимъ пессимистомъ, покинулъ же ее, если и не очень радужнымъ оптимистомъ, то во всякомъ случаѣ глубоко убѣжденнымъ, что не все мертво въ этой странѣ, что великая революція, происшедшая на моей родинѣ, всколыхнула всѣ живыя силы Франціи. И я увѣренъ, что если русскій пролетаріатъ не дастъ себя убаюкать оборонческимъ нянькамъ, французскій рабочій класъ вскорѣ окончательно пробудится отъ своего трехлѣтняго летаргическаго сна

Слѣдующій этапъ пути—Англія... Такъ какъ парохода на Норвегію пришлось ждать около 3-хъ недѣль, то мы, группа эмигрантовъ-интернаціоналистовъ, рѣшили воспользоваться этимъ временемъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ англійскаго соціализма.

Какъ извѣстно товарищамъ, въ Англіи имѣются двѣ соціалистическія партіи: „Независимая Рабочая" и „Британская Соціалистическая". Въ силу цѣлаго ряда причинъ, въ разсмотрѣніе которыхъ мы здѣсь входитъ не можемъ, обѣ эти партіи составляютъ меньшинство англійскаго пролетаріата, который очень сильно организованъ экономически, но самостоятельной политической классовой линіи не ведетъ, плетясь за буржуазными радикалами. Вполнѣ

понятно поэтому, что по вопросу о войнѣ этотъ профессіоналистскій, трэтюніонистскій пролетаріатъ поддерживаетъ свое имперіалистское правительство, обѣ же соціалистическія партіи стоять на интернаціоналистской позиціи и примыкаютъ къ Циммервальду. Такимъ образомъ, когда наша буржуазная печать приводитъ въ поученіе русскимъ рабочимъ патріотическое поведеніе англійскихъ *соціалистовъ,* она сознательно лжетъ, подмѣняя понятіе „рабочій" понятіемъ „соціалистъ". Мы прекрасно знаемъ, что *классъ* и партія не одно и то же, и что далеко не всѣ рабочіе являются соціалистами.

Итакъ, мы обратились къ англійскимъ товарищамъ съ просьбой, чтобы они разсказали намъ, какое впечатлѣніе произвела на британскій пролетаріатъ русская революція. Они отвѣтили намъ, что начиная съ марта, наблюдается несомнѣнный подъемъ, ростъ революціоннаго настроенія. Митинги, устраиваемые соціалистами, стали пользоваться большимъ успѣхомъ, тиражъ партійныхъ изданій замѣтно увеличиваться, а отношеніе къ оборонческимъ вождямъ изо дня въ день становится все болѣе отрицательнымъ.

Наиболѣе яркимъ и выпуклымъ свидѣтельствомъ роста вліянія интернаціональныхъ соціалистовъ въ Англіи является организованная въ маѣ рабочая конференція, созванная въ Лидсѣ. Впервые за все время существованія англійскаго соціализма удалось собрать на конгрессѣ делегатовъ представляющихъ *болѣе полутора милліона* организованныхъ экономически и политически рабочихъ. На конгрессѣ были приняты четыре резолюціи, всѣ выработанныя и предложенныя интернаціоналистами,и въ центрѣ этихъ резолюцій—русская революція. Первая является выраженіемъ привѣтствія грандіозному перевороту въ Россіи, во второй вы-

двигается требованіе, чтобы британское правительство присоединилось къ программѣ мира русскаго Временнаго Правительсва; третья говоритъ о необходимости ряда внутреннихъ реформъ, въ духѣ выработанныхъ русской революціонной демократіей; и, наконецъ, четвертая, ставитъ, какъ очередной вопросъ англійскаго пролетаріата, созданіе Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ — для проведенія въ жизнь принятыхъ конференціей резолюцій и энергичнаго веденія борьбы за миръ. Всѣ резолюціи были приняты почти единогласно—противъ двухъ или трехъ голосовъ.

Еще въ февралѣ этого года принятіе подобнаго рода рѣшеній полутора милліонами англійскихъ рабочихъ было бы совершенно невѣроятнымъ: только могучій толчекъ, полученный съ революціоннаго Востока, могъ такъ всколыхнуть консервативную по своей психологіи массу англійскаго пролетаріата.

— Со времени русской революціи—говорили намъ англійскіе соціалисты, мы почувствовали твердою почву подъ ногами. Мы не хотимъ создавать у васъ иллюзій на счетъ того, что мы наканунѣ революціи, вы сами хорошо понимаете, что Англія—не царисткая Россія, и наша буржуазія такъ нуждается въ поддержкѣ пролетаріата, что готова будетъ заласкать его значительными уступками, которыя значительно притупятъ его пробуждающееся революціонное настроеніе. Тѣмъ не менѣе, теперь мы довольно сильны, гораздо сильнѣе прежняго, и силы наши будетъ увеличиваться и расти паралельно съ усиленіемъ и ростомъ завоеваній вашей революціи...“

Подобно тому, какъ англійскіе соціалисты не хотѣли создавать иллюзіи у насъ,—я точно также не хотѣлъ бы

создавать слишкомъ красныхъ надеждъ у моихъ читателей по поводу революцiонныхъ возможностей на Западѣ.

Одно только могу я сказать на основанiи своихъ личныхъ наблюденiй: „революцiонная зараза“, которую любитъ высмѣивать буржуазiя, не выдумка, а реальнѣйшая, несомнѣнная истина. Западно-европейскiй пролетарiатъ послѣ русской революцiи не тотъ, чѣмъ онъ былъ до нея. Что-то новое прошло по Европѣ, свѣжимъ воздухомъ повѣяло въ душныхъ клѣткахъ залитыхъ кровью „отечествъ“. Рабочiй классъ на западѣ высвобождается изъ путъ „нацiональнаго единенiя“, растетъ, крѣпнетъ, начинаетъ выбиваться на самостоятельные пути.

Излишне говорить о томъ, что въ интересахъ русскихъ рабочихъ—полная и всесторонняя поддержка этой эмансипацiи (освобожденiя) его зарубежныхъ братьевъ. Какимъ же образомъ можетъ прiити здѣсь на помощь русскiй пролетарiатъ?

— Укрѣпленiемъ и ростомъ своихъ революцiонныхъ завоеванiй,—говорятъ англiйскiе соцiалисты.

Въ чемъ же могутъ выражаться эти укрѣпленiе и ростъ? Разумѣется, не чисто внутреннiя демократическiя реформы въ Россiи могутъ зажигать революцiонное пламя въ сердцахъ европейскихъ рабочихъ: ихъ подобнаго рода вещами не удивишь—видали. Только энергичная, рѣшительная борьбы за миръ, только выдвиганiе въ первую голову задачи ликвидацiи позорной войны можетъ найти горячiй и дѣйственный откликъ въ международномъ пролетарiатѣ. И борьба за миръ не только словесная, не одно голое выдвиганiе прекрасныхъ формулъ лѣвой рукой и проповѣдь наступленiя—правой,—а требованiе отъ своего и союзныхъ правительствъ немедленнаго всеобщаго перемирiя на всѣхъ фронтахъ!

Это требованіе развяжетъ руки пролетаріямъ всѣхъ воюющихъ странъ, оно освободитъ ихъ отъ кошмарнаго страха возможности вражескаго вторженія, оно дастъ имъ возможность свободно, не оглядываясь на фронтъ, потребовать отъ своихъ правительствъ отказа отъ ихъ имперіалистскихъ программъ и сразу вскроетъ передъ народами истинную сущность войны.

А добившись справедливаго мира, международный рабочій классъ не станетъ, конечно, сидѣть сложа руки. Онъ призоветъ къ отвѣту своихъ правителей,—королей и министровъ, банкировъ и поставщиковъ, заводчиковъ и дипломатовъ. Наступитъ послѣдняя рѣшительная и рѣшающая битва мірового пролетаріата съ насильниками и эксплоататорами, которая освободитъ, наконецъ, человѣчество отъ разлагающаго его гноя и грязи капитализма, и надъ развалинами стараго преступнаго міра взойдетъ немеркнущее солнце соціализма!

